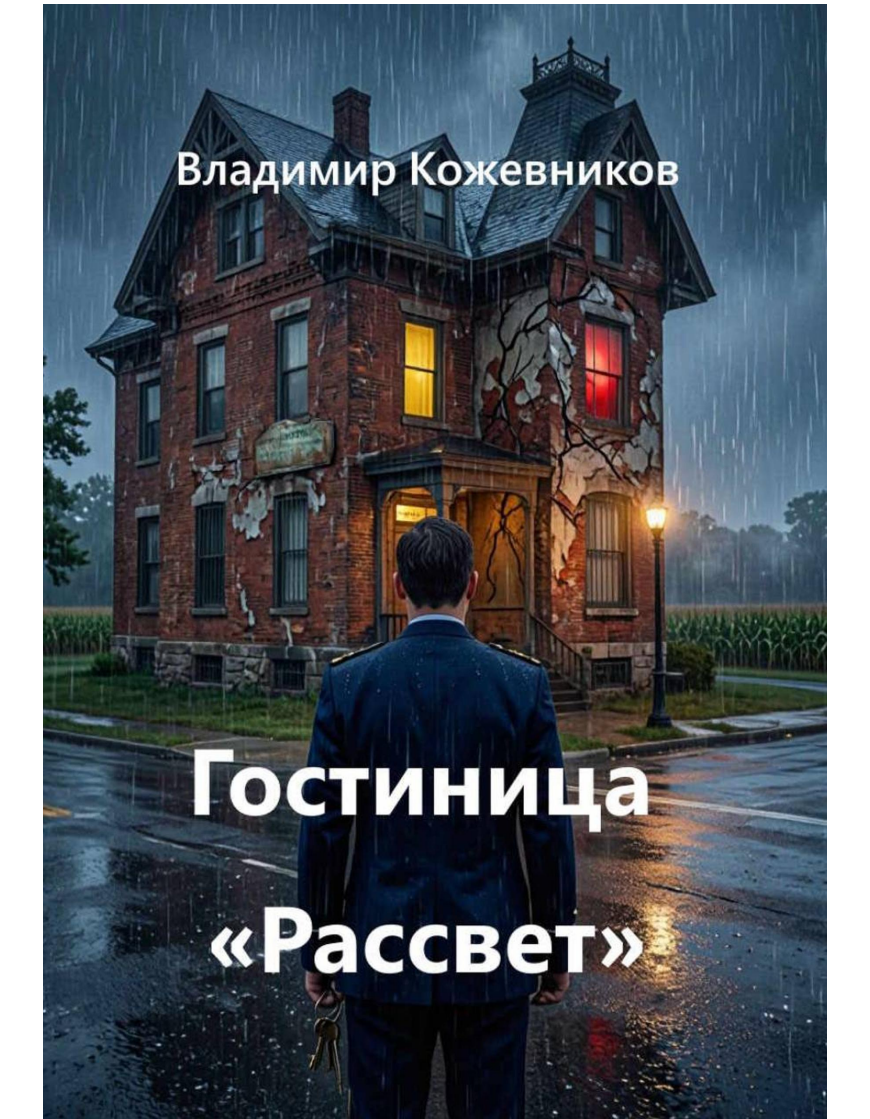

Владимир Кожевников

Гостиница
«Рассвет»

Владимир Кожевников

Гостиница «Рассвет»

<https://litres.ru/74609629>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ночной портье Элайя Брукс привык к тишине отеля «Рассвет» — старого здания на окраине Дейтона, где он прячется от собственного прошлого. Но однажды в ноябре сюда заселяется группа психологов, и равновесие рушится: гость исчезает из запертого номера, коридоры перестраиваются, лифт останавливается на этажах, которых нет в плане, а постояльцы видят во сне чужие воспоминания. Всё это как-то связано с закрытым в 1987 году госпиталем, стоявшим когда-то на этом самом месте, и с людьми, которые двадцать лет назад пытались здесь лечить боль — и научились её собирать. Элайя и женщина-психиатр Миранда Вейл, знающая о нём больше, чем он сам, спускаются туда, откуда ещё никто не возвращался.

Содержание

Глава 1. Ночь, которая не кончается	4
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Владимир Кожевников

Гостиница «Рассвет»

Глава 1. Ночь, которая не кончается

Элайя Брукс стоял за стойкой регистрации отеля «Рассвет» и смотрел, как дождь размывает очертания мира за стеклянными дверями. Было 3:47 ночи — время, когда даже самые упрямые бессонницы сдаются, когда тьма за окнами становится настолько плотной, что кажется, будто она имеет вес, текстуру, почти вкус. Он знал это время хорошо. Слишком хорошо.

Отель «Рассвет» располагался на окраине Дейтона, штат Огайо — там, где городская застройка истончается, распадается на отдельные островки заброшенных складов и автосалонов, пока не растворяется окончательно в бесконечных полях кукурузы. Здание стояло на холме, возвышаясь над шоссе 40, как забытый стражник, который всё ещё выполняет свой долг, хотя уже давно не помнит, что именно он должен охранять.

Три этажа красного кирпича, викторианские окна с решётками, медная табличка у входа, потемневшая от време-

ни настолько, что буквы едва читались. Элайя знал каждую трещину в этом фасаде, каждую неровность в паркете вестибюля, каждый скрип третьей ступени лестницы. Он работал здесь четырнадцать месяцев — достаточно, чтобы возненавидеть это место, но недостаточно, чтобы найти силы уйти.

Ночная смена. Тишина. Одиночество.

Это было всё, что ему требовалось.

Элайя провёл рукой по коротко стриженным волосам — привычка, оставшаяся от армии, как и многое другое. Тридцать три года, но в зеркале за стойкой отражался человек, которому можно было дать и сорок, и пятьдесят. Глубокие морщины у глаз, шрам на левой скуле — тонкая белая линия, почти незаметная, если не знать, куда смотреть. Он знал. Каждое утро, когда брился, он видел этот шрам и вспоминал.

Не думай.

Он открыл журнал регистрации — старомодный, кожаный переплёт, страницы с золотым обрезом. Хозяйка отеля, миссис Харрингтон, была женщиной восьмидесяти двух лет с твёрдым убеждением, что технологии — это временное увлечение, которое скоро пройдёт. Она вела дела так же, как её мать и бабушка: ручкой, чернилами, аккуратным почерком. Элайя не возражал. Ему нравилось писать от руки. Это замедляло мысли, не давало им разбегаться.

Сегодняшняя запись: «Конференция по психологии травмы. Департамент клинической психологии, Университет Огайо. Заезд: 15 участников, 3 сопровождающих.»

Восемнадцать человек. Восемнадцать новых лиц, восемнадцать историй, восемнадцать наборов воспоминаний, которые он не хотел знать. Элайя давно понял: люди, останавливающиеся в отелях, делятся на две категории. Одни хотят, чтобы их заметили — они рассказывают о себе бармену, соседу в лифте, случайному прохожему. Другие хотят исчезнуть — они прячутся за газетами, избегают зрительного контакта, платят наличными. Элайя принадлежал ко второй категории и предпочитал гостей из той же породы. Но участники конференций всегда были первыми. Они приезжали с бейджами, с папками, с желанием обсуждать, делиться, анализировать.

Он ненавидел конференции.

Дождь усилился. Капли барабанили по навесу над входом с ритмичностью, которая напоминала ему... нет. Не напоминала. Он не позволит себе думать об этом.

Элайя наклонился, вытащил из-под стойки термос с кофе — чёрным, без сахара, обжигающе горячим. Сделал глоток. Горький. Идеально.

В 4:12 раздался звонок колокольчика над входной дверью.

Элайя поднял голову. В вестибюль вошла женщина, стряхивая воду с чёрного зонта. Лет сорока, может, чуть больше. Тёмные волосы, забранные в строгий пучок, острые скулы, глаза цвета грозового неба — серые, с серебристыми искрами. Она была одета в деловой костюм, который сидел на ней безупречно, и туфли на низком каблуке — практичные,

не для демонстрации. На плече висела сумка из чёрной кожи, потертая, но дорогая. Доктор Миранда Вейл, вспомнил Элайя. Список участников лежал перед ним. Психиатр, специалист по травматическим расстройствам, автор двух монографий. Прибыла на день раньше остальных.

— Добрый вечер, — сказал он, хотя вечер давно закончился. — Могу я помочь?

Женщина подошла к стойке. Её шаги были бесшумными, несмотря на каблуки — Элайя отметил это автоматически, как отметил бы офицер на посту. Контролируемая походка. Уверенность. Что-то ещё, что он не смог сразу определить.

— Брукс, — сказала она. Не спросила. Утвердила.

Элайя замер. Рука с чашкой кофе остановилась на полпути ко рту.

— Простите?

— Элайя Брукс. — Она смотрела на него прямо, без улыбки, без враждебности, без ничего, что дало бы ему зацепку. Просто смотрела. — Вы изменились. Но не настолько, чтобы я не узнала.

Холод пробежал по его позвоночнику — знакомое ощущение, которое он испытывал каждый раз, когда что-то напоминало ему о прошлом. Он поставил чашку на стойку. Медленно. Аккуратно.

— Боюсь, мы не знакомы, — сказал он ровно. — Вы, вероятно, меня с кем-то путаете.

— Нет. — Она покачала головой. — Я не путаю.

Пауза. Дождь стучал по крыше. Часы на стене — старые, с маятником — отсчитывали секунды.

— У вас номер 214, — сказал Элайя, переключаясь на профессиональный тон. — Второй этаж, в конце коридора. Завтрак с семи до десяти, пароль Wi-Fi на карточке.

Она не двинулась с места.

— Вы не помните меня.

— Я вас не знаю.

— Это не одно и то же.

Элайя стиснул зубы. Он не хотел этого разговора. Не хотел никаких разговоров. Он хотел тишину, тьму, одиночество. Он хотел, чтобы эта женщина взяла ключ и ушла в свой номер, и чтобы он больше никогда её не видел.

— Ваш ключ. — Он положил на стойку металлический ключ с брелоком в виде восходящего солнца. — Лифт направо.

Доктор Вейл протянула руку. Её пальцы коснулись ключа, но не забрали его. Вместо этого она накрыла ладонью руку Элайи. Её кожа была холодной — не ледяной, а прохладной, как вода в глубоком колодце.

— Вы были в госпитале Уолтер-Рид, — сказала она тихо. — Четырнадцать месяцев. Три командировки. Вы вернулись в две тысячи двадцатом.

Мир сузился до размеров этой руки, этого прикосновения, этих слов. Элайя смотрел на её пальцы, лежащие поверх его пальцев, и чувствовал, как что-то внутри него — ка-

кая-то плотина, которую он строил годами — даёт трещину.
— Откуда вы это знаете? — Голос прозвучал чужим. Хриплым.

— Я знаю многое о многих людях. — Она убрала руку. Взяла ключ. — Но конкретно о вас — потому что вы были в списке.

— В каком списке?

Она уже шла к лифту. У дверей обернулась.

— Спросите у профессора Холдена. Он приедет завтра. Скажите ему... — Пауза. — Скажите ему, что Миранда помнит госпиталь. Даже если он — нет.

Двери лифта закрылись. Элайя остался один.

Он стоял неподвижно минуту, две, пять. Дождь продолжал стучать. Часы продолжали тикать. Мир продолжал существовать, хотя что-то в нём только что сдвинулось с места.

Госпиталь Уолтер-Рид.

Он не думал об этом месте годами. Заставлял себя не думать. Строил стену за стеной, слой за слоем, пока воспоминания не оказались погребены так глубоко, что он почти поверил в их несуществование. Но они были там. Всегда были там.

Элайя посмотрел на свои руки. Пальцы слегка дрожали. Он сжал их в кулаки.

Не думай. Просто не думай.

Он вернулся к журналу регистрации. Открыл страницу. Взял ручку.

«Вейл, Миранда. Номер 214. Заезд: 4:12.»

Его почерк был ровным. Аккуратным. Идеальным.

Никто, глядя на эти буквы, не догадался бы, что человек, который их написал, только что увидел призрака.

Следующий час прошёл в привычной рутине. Элайя обошёл первый этаж — вестибюль, столовую, библиотеку с камином, который не разжигали уже десять лет. Проверил двери — заперты. Окна — закрыты. Подвал — он не спускался в подвал без необходимости. Миссис Харрингтон говорила, что там хранятся старые вещи, документы, мебель. Элайя не спрашивал, какие именно документы. Ему не нужно было знать.

В 5:30 он вернулся за стойку. Кофе остыл. Он вылил его в раковину за спиной — маленькую, не больше ладони, установленную здесь ещё до его прихода.

В 5:47 зазвонил телефон.

Элайя поднял трубку.

— Отель «Рассвет», доброе утро.

— Элайя? — Голос миссис Харрингтон был тонким, дребезжащим, как старая струна. — Это ты?

— Да, мэм.

— Хорошо. Хорошо. — Пауза. Она дышала тяжело, с присвистом. — Я хотела спросить... гости приехали?

— Один. Доктор Вейл. Остальные будут днём.

— Вейл... — Миссис Харрингтон замолчала. Элайя слы-

шал, как она что-то бормочет себе под нос — слова были неразборчивы, но интонация... интонация ему не понравилась. — Это хорошо. Это... хорошо.

— Что-то не так?

— Нет. Нет, всё в порядке. — Слишком быстро. Слишком бодро. — Просто... будь осторожен, мальчик. Ладно?

— Мэм?

— Эти люди. Психологи. Они копаются в головах. — Она хмыкнула. — Иногда находят то, что лучше было бы оставить похороненным.

Гудки. Она повесила трубку.

Элайя медленно опустил телефон на рычаг. Посмотрел на часы. 5:52.

Иногда находят то, что лучше было бы оставить похороненным.

Он не верил в совпадения. Слишком долго жил, чтобы верить. Но он также не верил в призраков, проклятия и знаки судьбы. Он верил в причину и следствие. В действие и реакцию. В мир, который состоит из материи и энергии, и ничего больше.

Доктор Вейл знала его имя. Знала про госпиталь Уолтер-Рид. Это означало, что у неё был доступ к информации. Кто-то ей рассказал. Кто-то, кто знал его тогда. Кто-то, кто помнил.

Профессор Холден.

Элайя открыл список участников. Нашёл имя: «Холден,

Роберт. Профессор клинической психологии, Университет Огайо. Заезд: 14:00.»

Он смотрел на эти буквы долго. Очень долго.

Потом закрыл папку.

Не думай. Просто не думай.

В 6:15 небо за окнами начало светлеть. Не по-настоящему — просто тьма стала серой, разбавленной, как чернила, в которые добавили воду. Дождь прекратился. Мир за стеклянными дверями приобрёл очертания: мокрый асфальт, голые деревья, фонарь на столбе, который мигал с интервалом в три секунды.

Элайя стоял у окна и смотрел на этот мир. Он знал его наизусть. Каждое утро видел одно и то же: парковку, пустую в этот час; шоссе вдалеке, где редкие машины проносились с шипением мокрых шин; поле за дорогой, бесконечное, плоское, как стол. Иногда ему казалось, что он попал в фотографию — застывшую, лишённую движения и жизни. Иногда ему это нравилось.

Сегодня — нет.

Что-то изменилось. Что-то сдвинулось. Он чувствовал это, как чувствовал бы перелом кости — не видел, но знал, что внутри что-то сломано.

Доктор Вейл. Профессор Холден. Госпиталь Уолтер-Рид.

Элайя закрыл глаза. Сделал вдох — медленный, глубокий, на четыре счёта. Задержал. Выдохнул на шесть. Техника, ко-

торой его научили в армии. Контроль. Дисциплина. Спокойствие.

Это не помогло.

Он открыл глаза и увидел своё отражение в стекле: высокий мужчина с усталым лицом, в тёмно-синей униформе портё, с бейджем на груди. «Элайя Б.», было написано на бейдже. Просто имя и первая буква фамилии. Анонимность. Идеально.

Кто ты?

Вопрос всплыл откуда-то из глубины, неожиданно и нежелательно.

Кто ты, Элайя Брукс?

Он знал ответ. Знал факты. Тридцать три года. Родился в Кливленде. Отец — автомеханик, мать — учительница. Поступил в армию в девятнадцать. Служил медиком. Три командировки. Вернулся. Уволился. Работал в трёх местах, нигде не задерживался больше года. Приехал в Дейтон. Устроился в отель.

Факты. Просто факты.

Но были и другие воспоминания. Те, которые он не мог облечь в слова. Те, которые приходили ночью — обрывками, фрагментами, как плохо настроенный радиосигнал. Кровь на его руках — не своя. Крики — не его. Лица — которые он не мог вспомнить, но и не мог забыть.

Не думай.

Он отвернулся от окна. Взял термос. Налил кофе. Выпил

залпом, не чувствуя вкуса.

Работа. Ему нужна работа.

Элайя сел за стойку. Открыл журнал. Начал проверять записи — механическое действие, не требующее мысли. Номера, даты, имена. Он делал это каждое утро, хотя знал, что всё в порядке. Это успокаивало. Это давало иллюзию контроля.

6:42.

Звонок колокольчика.

Элайя поднял голову.

В вестибюль вошёл подросток.

Мальчик — лет пятнадцати, может, шестнадцати. Худой, бледный, с тёмными кругами под глазами. Одет в чёрную толстовку с капюшоном, джинсы, кроссовки, которые видели лучшие дни. На спине — рюкзак, слишком большой для его фигуры. В руках — блокнот и карандаш.

Он остановился посреди вестибюля и посмотрел на Элайю.

Молча.

Элайя ждал. Секунду. Две. Пять.

— Доброе утро, — сказал он. — Вы заселяетесь?

Мальчик не ответил. Он подошёл к стойке — медленно, осторожно, как будто приближался к дикому животному. Положил блокнот на стойку. Открыл. Нашёл чистую страницу. И начал рисовать.

Элайя смотрел.

Линии. Круги. Символы, которые он не узнавал. Маль-

чик рисовал быстро, уверенно, как будто копировал что-то, что видел только он. Спираль. Глаз. Рука с растопыренными пальцами. Ещё спираль. Ещё глаз.

— Это... — начал Элайя.

Мальчик поднял на него взгляд. Глаза — тёмные, почти чёрные, глубокие, как колодцы. Он смотрел на Элайю секунду, две. Потом перевернул страницу. Начал рисовать снова.

Элайя протянул руку.

— Можно?

Мальчик остановился. Посмотрел на его руку. Потом на него. Медленно, очень медленно, кивнул.

Элайя взял блокнот.

Рисунки были везде. На каждой странице. Десятки, сотни символов. Некоторые повторялись — спираль, глаз, рука. Другие были уникальны — сложные геометрические фигуры, лабиринты, решётки. На последней странице — рисунок здания. Трёхэтажного. С окнами. С дверью.

Отель.

Элайя поднял взгляд на мальчика.

— Как тебя зовут?

Мальчик молчал.

— Ты можешь говорить?

Молчание.

— Ты здесь с кем-то? С родителями?

Мальчик забрал блокнот. Закрыв его. Прижал к груди.

И улыбнулся.

Улыбка была странной — не весёлой, не дружелюбной. Скорее... понимающей. Как будто он знал что-то, чего не знал Элайя. Как будто он видел что-то, чего Элайя не видел.

— Номер 312, — сказал Элайя, хотя не помнил, чтобы проверял список. Слова вышли сами. — Третий этаж.

Мальчик кивнул. Взял ключ со стойки — Элайя не помнил, как его положил. Повернулся. Пошёл к лестнице.

У первой ступени он остановился. Обернулся.

Посмотрел на Элайю.

Поднял руку. Показал на него пальцем. Потом на себя. Потом на пол — на то место, где они стояли.

И исчез на лестнице.

Элайя стоял неподвижно. Смотрел на пустое место, где только что был мальчик. Слушал шаги — тихие, удаляющиеся, пока они не растворились в тишине.

Что это было?

Он посмотрел на журнал. На странице, где он записывал гостей, появилась новая запись. Его почерком. Аккуратным. Идеальным.

«Мальчик. Номер 312. Заезд: 6:42.»

Он не писал это.

Элайя провёл рукой по лицу. Кожа была холодной. Пальцы дрожали.

Не думай. Просто не думай.

Но мысль уже была здесь. Она пульсировала в висках, стучала в груди, заполняла всё пространство внутри него.

Что происходит?

День прошёл как в тумане.

Элайя выполнял свою работу — механически, автоматически, не включая сознание. Он регистрировал гостей, когда они прибывали. Раздавал ключи. Отвечал на вопросы. Улыбался. Кивал. Делал всё, что должен делать ночной портье, который работает уже четырнадцать месяцев и знает своё дело.

Но часть его — та часть, которую он старательно игнорировал — наблюдала.

Профессор Холден прибыл в 14:00. Пожилой мужчина, лет семидесяти, с седыми волосами и мягкой улыбкой. Он вошёл в вестибюль, опираясь на трость, и первое, что он сделал — остановился. Посмотрел вокруг. Долго. Очень долго. — Что-то не так? — спросил Элайя.

Профессор вздрогнул. Посмотрел на него.

— Нет, — сказал он. — Просто... это здание. Оно кажется знакомым.

— Вы здесь бывали?

Пауза. Слишком долгая.

— Не помню, — сказал профессор. — Странно, правда? Я не помню.

Он взял ключ. Пошёл к лестнице. У первой ступени остановился.

— Молодой человек.

— Да?

— Вы знаете доктора Вейл?

Элайя почувствовал, как что-то сжалось в груди.

— Она заселилась сегодня утром.

— Ах. — Профессор кивнул. — Хорошо. Хорошо.

Он начал подниматься. Медленно, ступенька за ступенькой.

— Профессор?

Холден обернулся.

— Доктор Вейл просила передать вам... — Элайя запнулся. Слова казались неправильными, чужими, как будто он читал их с листа. — Она помнит госпиталь. Даже если вы — нет.

Лицо профессора изменилось.

Улыбка исчезла. Глаза — голубые, выцветшие — расширились. Рука, держащая трость, задрожала.

— Что вы сказали?

— Она просила передать...

— Я слышал. — Холден смотрел на него. Пристально. Как будто видел впервые. — Кто вы?

— Элайя Брукс. Ночной портье.

— Нет. — Профессор покачал головой. — Нет. Вы... вы были там. В госпитале. Я помню... я почти помню...

Он замолчал. Стоял на лестнице, покачиваясь, как будто готовый упасть.

— Профессор?

— Не важно. — Холден отвернулся. — Забудьте. Я... я устал. Мне нужно отдохнуть.

Он продолжил подниматься. Элайя смотрел ему вслед, пока фигура не скрылась на втором этаже.

Вы были там.

Я помню.

Почти.

К 22:00 все гости были на месте.

Восемнадцать человек. Участники конференции, которые заполнили столовую, библиотеку, коридоры. Они говорили, смеялись, обсуждали свои дела. Обычные люди. Обычный вечер.

Элайя стоял за стойкой и наблюдал.

Доктор Вейл сидела в библиотеке с книгой — не читала, просто держала в руках. Её взгляд был направлен в никуда.

Профессор Холден не выходил из номера.

Мальчик... Элайя не видел его с утра. Номер 312 был закрыт. Тишина за дверью. Ни звука.

Остальные гости — он запомнил их лица, но не имена. Мужчины и женщины, молодые и старые. Все с бейджами на груди. Все с папками и ноутбуками. Все — нормальные.

Что-то не так.

Мысль пришла сама. Он не отгонял её. Позволил остаться.

Что-то не так с этим местом.

Он оглядел вестибюль. Паркет — тёмный, натёртый до блеска. Люстра — хрустальная, тяжёлая, с сотней лампочек. Часы с маятником. Картины на стенах — пейзажи, натюрморты, портреты. Всё как всегда. Всё как вчера, позавчера, месяц назад.

Но что-то изменилось.

Воздух. Он стал плотнее. Гуще. Как будто в него добавили что-то невидимое, но осязаемое. Запах — Элайя принюхался — запах был странным. Металлическим. Как кровь. Как ржавчина. Как...

Он не мог определить.

Не думай.

В 23:30 гости начали расходиться по номерам. Они проходили мимо стойки, желали доброй ночи, улыбались. Элайя отвечал тем же. Автоматически.

Доктор Вейл подошла последней.

— Спокойной ночи, мистер Брукс.

— Спокойной ночи, доктор.

Она посмотрела на него. Долго. Как будто хотела что-то сказать. Но не сказала. Просто кивнула. Пошла к лестнице.

У первой ступени остановилась.

— Будьте внимательны сегодня, — сказала она, не оборачиваясь. — Иногда прошлое не хочет оставаться прошлым.

Она поднялась вверх.

Элайя остался один.

00:00.

Отель спал. Восемнадцать гостей в восемнадцати номерах. Тишина. Покой.

Элайя сидел за стойкой и смотрел в мониторы камер наблюдения. Их было пять — по одной на каждом этаже, одна в вестибюле, одна у входа. Изображение чёрно-белое, зернистое. Он смотрел на них каждую ночь. Привычка.

00:47.

На камере третьего этажа что-то произошло.

Элайя наклонился ближе к монитору.

Коридор. Двери номеров. Ковровая дорожка. Всё обычно.

Но одна дверь — номер 312 — была открыта.

Элайя смотрел. Ждал.

Ничего.

Он нажал кнопку переключения камер. Первый этаж. Вестибюль. Пусто. Второй этаж. Пусто.

Третий этаж.

Дверь 312 закрыта.

Элайя моргнул.

Показалось?

Он отмотал запись. 00:47. Дверь 312 открыта. Пустой коридор. Никого.

00:48. Дверь 312 закрыта.

Между этими кадрами — секунда. Одна секунда.

Элайя смотрел на экран. Сердце билось быстрее, чем должно.

Это мальчик. Он вышел. Или вошёл. Что-то сделал.

Но на записи не было мальчика. Ни в 00:47, ни в 00:48. Только дверь. Открытая. Закрытая.

Невозможно.

Он проверил ещё раз. Перемотал. Покадрово. 00:47:59. Дверь закрыта. 00:48:00. Дверь открыта. 00:48:01. Дверь закрыта.

Одна секунда.

Элайя откинулся на спинку стула. Посмотрел на потолок. На люстру. На часы.

Что происходит?

01:23.

Звонок колокольчика.

Элайя вздрогнул. Посмотрел на входную дверь.

Никого.

Колокольчик продолжал звенеть — сам по себе, без причины. Металлический язык бился о металлический купол, издавая звук, который резал тишину, как нож.

Элайя встал. Подошёл к двери. Открыл.

Пусто. Только ночь. Только тьма. Только холодный воздух, который ворвался внутрь, пахнувший землёй и дождём.

Он закрыл дверь. Запер. Проверил.

Колокольчик замолчал.

01:47.

Свет в вестибюле мигнул.

Один раз. Два. Три.

Элайя стоял у стойки. Смотрел.

Люстра погасла. Потом зажглась. Потом снова погасла.

Тьма.

Он ждал. Секунду. Две. Пять.

Свет вернулся. Люстра горела. Часы тикали. Всё было нормально.

Но что-то изменилось.

Элайя почувствовал это прежде, чем понял. Запах. Тот самый запах — металлический, кровавый, ржавый. Он стал сильнее. Гуще. Как будто кто-то открыл дверь в комнату, которую держали запертой много лет.

Он обернулся.

За его спиной — там, где была стена с картинами — появилась дверь.

Тёмная. Деревянная. С медной ручкой.

Дверь, которой не было.

Элайя смотрел на неё. Сердце колотилось. Руки дрожали. Дыхание сбилось.

Не думай. Просто не думай.

Но он думал. Не мог не думать.

Он подошёл к двери.

Протянул руку.

Коснулся ручки.

Холодная. Металлическая. Настоящая.

Он повернул.

Дверь открылась.

За ней была тьма. Не просто отсутствие света — тьма абсолютная, плотная, как материя. Она дышала. Она ждала.

И из этой тьмы донёсся голос.

Женский. Тихий. Знакомый.

— Элайя... помоги мне...

Он замер.

— Кто вы?

— Ты знаешь...

— Нет. Не знаю.

— Знаешь. Ты просто не помнишь.

Пауза. Тьма пульсировала. Дышала.

— Помнишь госпиталь, Элайя? Помнишь, что они делали?

— Я не...

— Помнишь кровь? Помнишь крики? Помнишь, как ты стоял и смотрел, и не мог ничего сделать?

— Нет. — Он отшатнулся. — Нет. Я не помню. Я не был там. Я не...

— Был. Ты был. Ты всегда был.

Голос стал громче. Ближе. Как будто говоривший приближался — из тьмы, из глубины, из места, которого не должно существовать.

— Ты — часть этого места, Элайя. Ты всегда был частью. Ты просто забыл.

— Нет!

Он захлопнул дверь.

Тьма исчезла. Стена вернулась. Картины. Пейзажи. Натюрморты. Портреты.

Элайя стоял, прижавшись спиной к стене. Дышал. Тяжело. Быстро. Как после бега.

Что это было?

Что это, чёрт возьми, было?

Он посмотрел на свои руки. Они дрожали. Сильно.

Он посмотрел на часы. 01:52.

Прошло пять минут. Всего пять минут.

Но ему казалось — прошла вечность.

02:15.

Элайя сидел за стойкой. Пил кофе. Смотрел в мониторы.

Он не спал. Не мог. Не хотел.

Дверь исчезла. Стена была на месте. Всё было нормально.

Но он знал — это не так. Что-то произошло. Что-то изменилось. Что-то проснулось.

02:47.

Камера второго этажа.

Кто-то вышел из номера.

Элайя наклонился к монитору.

Мужчина. Один из гостей — он не помнил имя. Средних лет, в пижаме, босиком. Он шёл по коридору медленно, неуверенно, как лунатик.

Он подошёл к лифту. Нажал кнопку.

Двери открылись.

Он вошёл.

Двери закрылись.

Элайя переключил камеру на лифт. Внутри — пусто.

Мужчина исчез.

Он переключил на первый этаж. Лифт открылся. Пусто.

Он переключил на все камеры. Коридоры, вестибюль, вход. Никого.

Мужчина исчез.

Элайя отмотал запись. 02:47:00. Мужчина выходит из номера. 02:47:15. Подходит к лифту. 02:47:22. Нажимает кнопку. 02:47:28. Двери открываются. 02:47:31. Входит. 02:47:35. Двери закрываются.

02:47:36. Лифт пуст.

Элайя смотрел на экран. Покадрово. Секунда за секундой.

Мужчина был в лифте. Потом его не стало.

Не вышел. Не исчез за дверью. Просто... перестал существовать. На середине шага.

Невозможно.

Он проверил ещё раз. Перемотал. Просмотрел.

То же самое.

Мужчина был. Мужчины не стало.

Элайя откинулся на спинку. Посмотрел на потолок.

Что происходит в этом отеле?

Он не знал ответа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.